

Алексей Толстой. На рыбной ловле

Рассказ

- Место наше глухое, нелюдимое, где тут человеку жить!.. Иван Степанович плюнул на червяка и закинул удочку. Едва текли струи зеркальной реки, не колыхалась лодка, стоймя торчал камышовый поплавок. Иван Степанович смирно глядел на воду. Некуда торопиться рыбаку, - сиди под соломенной шляпой, щурься на влажный свет, дожидайся, когда в темную воду нырнет поплавок.

- Нелюдимые, глухие наши места, - опять сказал Иван Степанович, - одна слава, что город. Непонятно - в каком веке живем: не то в семнадцатом, не то еще в каком-нибудь. До железной дороги - семьдесят верст проселками. У нас даже и бандитов нет. Забрался один в прошлом году, вихрястый, - такая взяла его тоска: "Вы, говорит, не люди, а мох", - плюнул, ушел назад проселками. Одна отрада - рыбы много. Я, вот, извините, фельдшер, человек сознательный, но и то растерялся, - такая у нас глушь, чепуха. Почитаешь газету: что же это такое пишут, где такие люди живут? В Москве за Крымским мостом железную башню построили - и с нее разговаривают кругом земного шара... Этот бандит-то в прошлом году рассказывал: залезет, говорит, на башню телеграфист, большевик, и начинает обкладывать весь земной шар, всю мировую буржуазию кроет матом... Сперва, говорит, мировая буржуазия никак не могла понять: в Америке, в Австралии, на кораблях принимают и принимают какие-то слова. Позвали спецов. Те говорят: это матерное, это из Москвы вас кроют.

Поплавок мигнул и опять повис в зеркальной воде. У Ивана Степановича позеленели глаза, - насторожился.

- Рыбы много, а сытая. Какая ей наживка нужна - чума ее знает. На прошлой неделе попался мне сазан, - часа три гонял меня по реке. Видит - податься ему некуда: к Ивану Степановичу, значит, на крючок попал, сазан-то и оробел, но как-то, чума его знает, сорвался. Нет, городишко наш затхлый, на краю земли живем, не проникнет сюда луч сознания. Бандит этот, вихрястый, на базаре говорил: будто теперь вводится новый натуральный налог на нас - обывателей: каждый человек должен представить в местный исполком по сто двадцати воробьев битых и по два зайца с души. Поди, не представь! А ружья, порох - у населения отобрали, чем хочешь, тем и бей. Спасибо дьякон догадался: мышьяком, говорит, травите воробьев. За осень столько этих птиц извели, куры сталидохнуть, только тогда бросили травить. А то у каждого на погребице кадушка соленых воробьев стояла. Эх, Москва, Москва!..

Поплавок опять сильно дернуло. Иван Степанович подсек и вытянул пустой крючок.

- Видишь - червячка-то и съели. Непременно это шилишпер. Наглая рыба, а гордиться бы ему и не с чего: костистый да постный. Прошлую осень ловлю с берега. Ну, хорошо. Потянуло, - без озорства, тянет сильно. Я к себе, он - к себе. И выходит на песок налим, фунтов на девять, почтенный, ленивый, вьется, как змей, и крючечек у него из губы и выскользнул. Беда! Кинулся я на него, вода студеная, я его ногтями. И он не торопится, вывертывается, ушел в речку. Нет, рыбу ловить хлебнешь горя! А скажите - правду рассказывают: под Царицыным упал камень шестнадцать верст длиной, побил неисчислимо народу, неисчислимо сожгло хлебов? Ну, конечно, газеты этот случай скрывают, - запрещено.

У нас теперь - все предрассудки. А разве от народа скроешь, что камень упал. И еще один камень должен упасть в 24 году, - этот будет много больше, и упадет он около Варшавы, побьет невидимое количество поляков. Так-то. А председатель уездного исполкома по поводу этих разговоров объявил у нас борьбу с предрассудками. Повесили на базаре полотнище, на нем - вошь большая, нечистый с коровьим хвостом и один человек в здоровенных очках, будто бы это англичанин, который нам все дело портит. Дьякон наш до того испугался, забился на ледник, за кадушки, пьяный, конечно, застудился, потерял голос... Эх, Москва, Москва!..

Иван Степанович насадил на крючок майского жука. И опять между небом и землей повис камышовый поплавок. Трепеща, села на него стрекоза, сорвалась и улетела. Зноен был полдень на реке. Опрокинувшись, дремали зеленые берега. Иногда со дна реки поднимались пузыри, расходились водяной пленкой.

- Расскажу я вам необыкновенный случай, - продолжал Иван Степанович, и